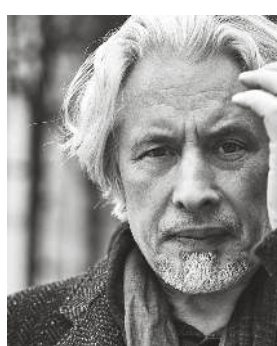

В новом романе «Манарага» (М., АСТ, 2017) Владимир Сорокин, как и в «Теллурии» снова обращается к размышлениям о предполагаемом будущем России, а равно и всего цивилизованного мира. Какой будет судьба бумажной книги в мире «умных» блох и голограмм? Этот вопрос задаёт автор в книге. Как и в «Теллурии» действие романа происходит примерно в середине XXI века, когда после войны с восточными, в основном мусульманскими, культурами наступает новая поствосточная цивилизация. Но цивилизация эта довольно странная. В «Теллурии» В. Сорокин предполагает, что в 40-х годах XXI века Россия распадётся на несколько маленьких псевдогосударств, увлечённых своими псевдоценностями. В новом романе автор рассуждает несколько иначе, хотя, судя по тексту, действие его должно происходить примерно в то же самое время – примерно в середине XXI века.

Главной забавой деятелей этого времени, сохранивших свою активность и мобильность, является оригинальное увлечение: они развлекаются тем, что крадут из музеев и разных архивных хранилищ некие книги – преимущественно оригиналы и, поджигая их, готовят на огне разного рода кулинарные изделия, от бифштексов до морковных котлет. Это забавное развлечение ограничено двумя важными факторами: во-первых, оно запрещено официальными властями, и поэтому, естественно, является рискованным. В тексте написано, что за развлечения такого рода инициаторам грозит от пяти до десяти лет тюрьмы, а в особенно криминальных случаях – вплоть до пожизненного заключения. Но с другой стороны этот процесс, названный в романе *чтением*, вызывает невероятный экстаз у его участников, а те, кто организуют это действо, названы в романе поварами. Это люди высокой квалификации. Их обслуживает много кулинаров и других деятелей, которые воруют из спец. хранилищ и частных собраний такого рода литературу. Главные деятели этого искусства называют-

ся по-английски «book'n'griller», «жаритель книг», причём самая тонкость состоит в подборе подходящего издания по объёму, переплёту, качеству бумаги, чтобы время её сгорания точно соответствовало бы времени приготовления заказанного блюда.

«Опытный мастер обязан просчитать весь процесс как шахматную партию и хладнокровно балансировать над пропастью. (...) Однажды у одного повара вспыхнула микроплёнка, вделанная в корешок в середине XX

века. У другого были проблемы с антроподермическим переплётom «120 дней Содома». Всё, всё возможно... Малейшая оплошность. Неуверенность или самоуверенность – и катастрофа неизбежна. Моя профессия сопряжена с риском. (...) Теперь уголовники всё чаще заказывают букинистические пиры» (с. 8). – Так говорит герой романа, тоже «повар».

Таким образом, главный герой романа – повар по приготовлению разных блюд на сжигании книг по имени Гезе – является героем, поскольку постоянно рискует от тюрьмы вплоть до убийства неудовлетворённым клиентом.

Что хотят клиенты? Вкусы их разнообразны. Некоторые хотят жаркое на сочинениях Шекспира, другие любят блюда на древних текстах, третьи предпочитают сочинения Чехова или Тургенева. По мысли Сорокина дело не в том, чтобы найти подходящего автора, главное – найти соответствующий блюду культурный элемент.

В тексте рассматривается также странный вопрос: а почему бы не поджигать деньги? Оказывается, «в отличие от книг деньги плохо горят, поэтому на них и не жарят» (с. 15). Конечно, это спорно так же, как и ещё один вопрос: почему герои книги, интеллектуальные повара-кулинары не поджигают так называемые «святые тексты». Намёки на это есть. Но нигде не сказано, что поджигаются тексты Библии, Корана, особенно Торы. Автор настолько воцерковлен, что считает, что наступающая цивилизация столь религиозна, что она хранит Святые Писания? В тексте, правда, есть упоминания о сожжении некоторых индийских священных книг, но странно, что Библия и Тора игнорируются. Также почему-то обойдён вопрос о сжигании сочинений Ленина, Маркса и, например, Путина. Что это – самоцензура?

Появление этого удивительного развлечения – «book'n'grill» объясняется так: «Люди всегда тянутся к запретному плоду. Девя-

носто процентов отпечатанных человечеством книг были сданы в утиль или просто выброшены на помойки, чтобы не занимали место в квартирах. А вот оставшиеся десять, осевшие в музеях и библиотеках, вдохновили лучшую часть человечества на удивительную страсть. Первый стейк был зажарен двенадцать лет назад в Лондоне на пламени первого издания «Поминок по Финнегану», выкраденного из Британского музея. Его приготовили и съели четверо великих мужей – психоаналитик, флорист, биржевой брокер и контрфаготист. Так родился «book'n'grill»» (с. 15).

Основания для того, чтобы считать «Поминки по Финнегану» отправной точкой кулинарного сожжения книг есть. Дело в том, что автор убеждён в том, что Россия к этому времени уже погибла, а осталась только русская литература. Главный герой Гезе пишет так: «Я помню русских только в детстве, когда они приезжали к нам в Будапешт за работой. Им было тогда трудно, их титаник «Постсоветская Россия» тонул. Мальчиком я услышал от одного пьяноватого русского что-то вроде исповеди. Он сравнивал русских с евреями: одних Бог лишил Родины и рассеял по миру за то, что они распяли Христа, других – за то, что они распяли Человека. «Мы распяли в себе самих себя, распяли! – повторял он. – За это Россию засасывает чёрная дыра!» Признаться, я тогда не понимал, что он имеет в виду. Позже мне стало ясно. Но потеряв свой мир, русские быстро ассимилировались. И устроились не хуже других, надо сказать: трое известных book'n'grill chefs, жарящих исключительно на английских романах, – с русскими фамилиями. А перед одним из них – Лео Волкофф – я готов опуститься на колени» (с. 21).

Так в чём же тайна сожжения книг, которая увлекает буржуазию нового типа, родившуюся после победы над исламизмом? Этот вопрос в книге только поставлен, но не разрешён. Ведь с одной стороны, если победа над исламизмом является столь полной и безвозвратной, то зачем же нужно сжигать книги, которые являются достоянием прежней цивилизации? А с другой стороны, если новое общество целиком перешло на электронные формы общения и работы, то зачем же ему сжигать книги, остатки прежних ценностей? У Сорокина много нелепостей, но в его виртуальном мире есть определённая авторская логика.

В отличие от многих книг В. Сорокина в романе «Манарага» есть вполне ясный сюжет. Его герой, авторитетный «повар» по

приготовлению различных кулинарных изделий при сожжении тех или иных книг, размышляет о целях и задачах своей деятельности. Например, ему очень нравится готовить при сожжении разных сочинений Чехова.

«Чехов! Только Чехов. Два собрания сочинений + отдельные издания рассказов в бумажных обложках. Они идеальны для быстрого чтения – креветки, лягушачьи лапки, поросячьи уши.. На Чехове я жарю всегда с удовольствием. Лёгкий автор. В своё время он был массовым писателем и выходил на недорогой бумаге средней толщины. С ней проблем нет. Она горит не быстро и не медленно. Это хорошо для мясных блюд. Но брать собрание сочинений не входит в мои планы. Стилль этих двух ребят (букинистов-поставщиков – Г.М.) – показать сперва что-то новенькое, удивить клиента потом – впарить. Хотя заказ был другой. С ними не соскучишься.

– Почём “Степь”? – беру и открываю книгу 1908 года издания.

Как от неё пахнет, боже мой! Я люблю раскрыть *полено*, втянуть носом запах оцинкованных страниц. Навсегда ушедший мир» (с. 27).

С этой точки зрения в романе обсасываются преимущества не только Чехова, но и Тургенева, Толстого, Достоевского, Тоспассо, Шекспира и многих других писателей, в основном классиков, потому что писатели XXI века, а главным образом постмодернисты, в романе иронически представляются как непригодные для приготовления пищи. Постмодернистская литература вызывает у главного героя – Гезы ироническое отношение. Например, для чтения один из коллег героя – «усатый Борис, почитывающий на советской литературе», предлагает ему книги.

«– Глянь, Геза. Это постсоветская литература. Отдаю всю *вязанку* за пару штук. Здесь пять авторов.

Беру наугад неувесистое поленце “Я пришёл с Родины”. На обложке – бритоголовый автор с проспиртованным взглядом. Листаю. В начале.

“Ванька пронёсся по засанной лестнице, пнул дверь подъезда, словно дырявый бронезилет укропа, попёрдывающей самоходкой вырвался в родной двор. Мокрым галчонком весна влетела ему в рот, в носу зацупало, как от стакана доброй советской газировки. (...) Вдруг в арке подворотни появилась Таня – короткая юбка, эскимо в тонкой руке. Она вся сочилась светом. (...) Ванька яростно, до мути глазной всосал в себя весенний воздух и проорал:

– Я убью тебя, сука!”» (с.131).

Уже по одному «Ванькя» легко догадаться, кто такой бритоголовый автор, очевидно, это автор романа «Санькя».

Владимир Сорокин ещё с давних пор поставил своей целью издеваться над русской литературой. Вспомним, что этой теме целиком посвящён его роман «Голубое сало», пародия на русскую литературу и культуру целиком, которая нужна якобы для того, чтобы выдавить из неё некое «голубое сало», которое и является сутью творчества всех писателей. В «Манараге» цель расширена, но она становится и более неопределённой.

Помимо Захара Прилепина особой критике в романе подвергается Лев Толстой. Толстой по мысли Сорокина – это некий гигант, который одним своим приходом производит в рядовом обывателе душевное потрясение: «Люди знали, что весну им принесёт большой человек с левого берега. Он всегда приходил внезапно, хотя все его ждали, как ждут осенью снега, в засуху – дождя, а теперь – тепла и пробуждения уставшего от зимы мира. И в этот март люди поглядывали на реку, покрытую старым, вздувшимся льдом, втягивали ноздрями сырой воздух и произносили имя этого человека». И Толстой пришёл и устроил ледолом на реке. Читает он своим слушателям и разного рода притчи. Например: «Опираясь на посох, Толстой сощурился, подумав недолго, и заговорил:

– Родился однажды в клопиной семье ма-а-а-аленький клопик.

Толстой сложил два больших пальца, показывая детям размер клопика» (с. 88). Здесь речь идёт том, что родителей клопика подавили, а выкормила его только вошь, которая тоже питалась только кровью. В конце концов, клопик вырос и мог питаться самостоятельно. И Толстой задаёт детям вопрос, почему вошь спасла клопика от голодной смерти.

«– Потому что... она была доброй? – произнёс мальчик.

– Потому что она была доброй, – серьёзно произнёс Толстой» (с. 90). Но к чему же клонит автор? Очевидно, к познанию природы «добра».

Новый пласт литературы, под которым автор подразумевает и себя, хотя и в качестве саркастического критика, «...циничная богема окрестила “волной калек”. Наш утёс – Кухню – эта волна не поколебала, никто даже и не попытался заговорить о желании *почитать* новенькое. Мы держим марку...» (с. 163). Слово *почитать* в контексте романа означает сжечь текст, чтобы на нём приготовить что-нибудь вкусенькое, о чём мы уже говорили выше. То есть «новая литература» – литература калек, постсоветская литература, иначе говоря, постмодернизм, для самого Владимира Сорокина недостойна даже того, чтобы её сжечь. Нас может удивить,

не всё ли равно, на чём готовить бифштексы или морковные котлеты. Оказывается, что не всё равно: можно готовить, только сжигая классику, украденную из музеев и тайных хранилищ. А почему-то постмодернистская литература для этого не годится. Бумага что ли стала хуже или переплёты иные? Неужели автор намекает на содержание? В том числе и своих собственных книг?

И вот, наконец, итог всех рассуждений главного героя романа – Гезу – ангажируют некие жулики, которые собираются организовать новую фирму, которая будет заниматься сжиганием не подлинников книг, а их многочисленных факсимильных дубликатов.

«Да, книги не всегда горят. И в них нам впрыскивают не только воду. Могут впрыснуть и взрывчатку. Тогда книги взрываются» (с. 175). Да, книги могут взрываться, но для этого в них должно быть серьёзное и интересное содержание. Владимир Сорокин в последнее время становится писателем другого жанра – отчасти пародистом, отчасти сатириком. Видимо, ему перестали нравиться его прежние полубесмысленные сочинения или сказки вроде «Насти». То, что он обратился к жанру фантастики, уже кое на что намекает.

В своих разных литературно-критических выступлениях В. Сорокин не раз подчёркивал, что природа его творчества игровая, карнавальная, но главная его цель – борьба со злом: «...игра – спасение, если быть серьёзным, то надо верёвку намывать...». Здесь подразумевается и некая борьба с тоталитаризмом, о которой модно было говорить лет двадцать тридцать назад, и просто «борьба» с разного рода пороками, хотя то считать «добром», а что «злом» автор в своей постмодернистской иронии, как обычно, не поясняет, прикрываясь шутливой манерой в стиле «Игры в бисер».

Но мне кажется, что теперь В. Сорокин стал серьёзнее и пишет не только о том, что «сорока на хвосте принесла». Сам автор неоднократно писал о том, что для него не существует табу, но всё же существует, что мы отметили выше. И, прежде всего, это относится к религиозной сфере. Может, писатель побаивается пресловутой 148 статьи УК? Здесь есть, о чём подумать. Наше законодательство устроено так, что нарушение «табу» может обернуться реальным тюремным сроком. Но хочется надеяться, что Сорокина «минуется чаша»...

Рукописи не горят, а книги, наоборот, горят неплохо, причём практически всегда, а не только в воображаемом будущем середины XXI века. Ну что же, если книги – не пища духовная, то хотя бы на плотскую сгодятся, включая и сочинения постмодернистов.